

ласть изучения неформального, а также проблем отношения этничности и власти. Однако это далеко не периферия политики. Видимая всем нам с экранов политика – это только вершина айсберга. Антропологи обладают знаниями, позволяющими сконцентрироваться в области политического “бессознательного”. Он выделяет несколько наиболее перспективных направлений для развития политической антропологии постмодерна: изучение так называемой повседневности, институтов власти, механизмов неформального влияния в политике, отношения масс и структур власти, современные политические ритуалы и литургии.

И последнее, что следовало бы отметить, сравнивая обе книги. Из советских ученых Ж. Баландьё упоминает только африканиста А.И. Потехина. У К. Ривьера в списке литературы вообще нет ни одной работы отечественных авторов. С одной стороны, это говорит о степени интегрированности нашей антропологии в мировую. С другой стороны, – об интересах и приоритетах французских коллег. Для них первостепенным было изучение африканского материала, поскольку на Черном континенте Франция имела большие колонии и здесь до сих пор она сохраняет определенное политическое влияние. Наконец, предмет антропологии – это в недалеком прошлом бесписьменные общества. Кто бы мог подумать, что политическая антропология может быть актуальна для постсоветского пространства. И если Баландьё даже не мог предположить, что его книга будет ценна для понимания некоторых процессов в социалистическом обществе, то об отсутствии соответствующих разделов в работе Ривьера можно только сожалеть.

Литература

- Баландьё 2001 – Баландьё Ж. Политическая антропология. М., 2001.
Клакхон 1998 – Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998.
Куббель 1988 – Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
Balandier 1967 – Balandier G. Anthropologie politique. P., 1967.
Riviere 2000 – Riviere C. Anthropologie politique. P., 2000.
Sahlins et al. 1960 – *Evolution and Culture* / Ed. M. Sahlins and E. Service. An Arbor, 1960.
Service 1962 – Service E. Primitive Social Organization: an evolutionary perspective. N. Y., 1962.
Steward 1955 – Steward J. Theory of Culture Change. Urbana, 1955.
White 1949 – White L. Science of the Culture. N. Y., 1949.

© ЭО, 2005 г., № 3

С. Н. Абашии. О новом журнале “Антропологический форум”.

Осенью 2004 г. в Санкт-Петербурге вышел первый номер нового этнографического журнала “Антропологический форум”. Это совместный проект Европейского университета в Санкт-Петербурге и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Главный редактор издания – А.К. Байбурин. К созданию журнала, в том числе к его финансированию, приложил усилия также Оксфордский университет (Великобритания). Появление еще одного этнографического журнала в России, безусловно, представляет исключительно важное событие не только в жизни перечисленных научных учреждений, но и всей российской этнографии. И, безусловно, это событие нуждается в осмыслении.

Должен признаться, что, размышляя над тем, как должна выглядеть заметка о появлении питерского журнала, я решил – жанр классической рецензии в данном случае не вполне годится. Мне, конечно, хотелось бы поговорить о содержании этого номера, поспорить о постсоветском восприятии советской школы с К. Келли, порассуждать вместе с Е. Мельниковой на тему современных эсхатологических ожиданий и с М. Ахметовой – о старых и новых фобиях в России. Но моя рецензия должна быть посвящена не содержанию статей журнала, а журналу как явлению, что скорее требует самых общих размышлений об этнографии и ее дис-

Сергей Николаевич Абашии – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Средней Азии и Казахстана Института этнологии и антропологии РАН.

циплинарных границах. Впрочем, в конце своей заметки я все-таки скажу несколько слов об одном тексте, опубликованном в “Антропологическом форуме”.

Конечно, в данный момент судить о том, состоялся ли новый журнал, пока рано. Чтобы понять это, следует прочесть несколько номеров, увидеть, как заявленный замысел соотносится с реальностью, какие проблемы удастся решить, а какие – нет. Должно пройти время, когда накопится усталость и у создателей журнала, и у его авторов, и у читателей. Самое трудное – не подняться на какой-то уровень, а удержаться на нем, дожидаться второго дыхания. Поэтому настоящая рецензия не является оценкой, а всего лишь первым впечатлением или даже моими пожеланиями “Антропологическому форуму”.

Успех любого журнала складывается из нескольких факторов. Это свобода рук в выстраивании тематики, большой и постоянно пополняющийся портфель, хорошо поставленный поиск авторов и умение вести с ними переговоры, сильные и опытные редакторы, немалые деньги на переводы наиболее значимых зарубежных работ, современный дизайн и даже хорошая реклама. Кажется, все это, или почти все, в “Антропологическом форуме” есть. Что-то наверняка будет меняться – совершенствоваться структура разделов, усиливаться блок рецензий, расширяться круг авторов. Это сложности любого российского журнала, и питерский вряд ли станет исключением. Во всяком случае, хотелось бы пожелать создателям “Антропологического форума”, чтобы все названные проблемы успешно и вовремя преодолевались. Но все это только техническая, хотя и очень важная составляющая возможного и желанного успеха.

Другой составляющей является концепция, или идеология журнала. И здесь “Антропологический форум” предлагает серьезные и интересные, я бы сказал долгожданные, реформы. Это видно уже из названия. Мне нравится, что в нем присутствует слово “форум”. Российская этнография в последние десятилетия пришла в хаотическое состояние, раздробилась на небольшие группки, каждая из которых занимается собственными сюжетами. Никто друг друга не слышит. Монологов много. Дискуссий, диалогов почти нет. Питерский журнал провозглашает и пытается сделать центральным в своей структуре именно диалог, обсуждение, форум. Причем, что я хотел бы подчеркнуть, диалог самый широкий, в котором могли бы участвовать и российские исследователи, и зарубежные, и этнографы, и историки, и социологи, и культурологи.

Второй термин, вынесенный в заглавие, – “антропология” – указывает главное направление журнала – изучение человека, но не в традиционном для “российского уха” биологическом значении, а изучение человека как существа социального и культурного. Конечно, редакторы вовсе не собираются, как я понимаю, вводить цензуру на термины “этнография” и “этнология”. Все эти понятия легко уживаются внутри данного номера, иногда заменяя друг друга, иногда оттеняя какие-то смыслы в той или иной статье. Тем не менее “антропология” становится ведущим, предметообразующим термином. И это не просто дань прозападной моде. По сути открыто провозглашен отказ от прежней установки на изучение этнографами только “этнической специфики”, “этнических процессов”, “этничности”. “Этнос” перестает быть обязательным и определяющим специфику этнографической дисциплины.

Что взамен “этнуса”? Не откажу себе в удовольствии процитировать одного из активных авторов “Антропологического форума” – К. Келли, которая сослалась на британский проект Mass Observation Project: “аборт, акцент, сельское хозяйство, СПИД, альтернативная медицина, тяжелые утраты, дни рождения, британские железные дороги, помещения для фирм, покупка по-британски, цензура, благотворительность, чековые книжки, близкие отношения, одежда, коллекционирование, комедии, потребление, контрацепция, кремация, образование, электронная почта (шутки по электронной почте), окружающая среда, фильмы, иностранцы, гендерные роли, всеобщие выборы, призы, здоровье, отпуск, дом, гомосексуализм, медовый месяц, домашнее хозяйство, доходы, отношения между предпринимателями и работниками, досуг, медицинские эксперименты, менструация, двухтысячный год, матери, убийства, старость, темп жизни, педофилия, собственная внешность, домашние животные, политические взгляды, подарки, сексуальность, покупки, как потратить 250 тысяч фунтов, спорт, сверхъестественное, предрасудки, татуировки, подростки, телевидение, туризм, транспорт, безработица, невостребованная корреспонденция, свадьбы, женщины, работа, (бывшая) Югославия” (с. 57–58). Заменить слово “британский” словом “российский”, фунты на рубли, Югославию на Кавказ – и вот суперсовременная программа будущей российской антропологии!

Большинство российских этнографов этот список должен шокировать. Электронная почта, чековые книжки и педофилия как предмет этнографического исследования!? А собственно, почему бы и нет? Посмотрим чуть пристальнее в историю классической российской этно-

графии. Разве исследователь, выезжающий в поле, не ставил перед собой грандиозную задачу узнать об изучаемом обществе как можно больше, докопаться до самых потаенных и тщательно скрываемых уголков человеческой и общественной жизни, расшифровать и понять все самые мельчайшие и привычные, “незаметные” детали быта? И разве были в этих программах какие-то пробелы, многоточия, запреты – это изучать можно, а это нельзя? Какой такой этнографический закон не позволяет нам – этнографам, антропологам – в электронной почте увидеть современный способ коммуникации и социальных взаимоотношений, в чеховых книжках – новый этап развития представлений о собственности, в педофилии – распад прежних институтов социального контроля?

Проблема здесь вовсе не в отсталости российской этнографии. В последнее время в России уже появились этнографические работы, посвященные новым и, на первый взгляд, необычным темам. К сожалению, пока эти работы не смогли сломать этнографические идеологемы и стереотипы. Вышла, например, прекрасная и новаторская книга И. Утехина “Очерки коммунального быта”, автор которой позиционировал себя в качестве этнографа. Почему же она не стала событием в российском этнографическом сообществе? Почему никто ее не обсуждает, не цитирует, даже не рецензирует?! Почему такое равнодушие?

Наверное, потому, что тиражи этой книги небольшие (правда, она выдержала уже два издания), цена высокая. Наверное, в том числе и потому, что автор не пытался мыслить себя реформатором, сам не стремился определить свое местоположение в системе координат российской этнографии. Но дело не только в этом. Проблема имеет более глубокие корни. Российские этнографы потеряли навыки следить за новыми идеями, отучились с вниманием относиться к чужому труду, замкнулись в своих узких интересах, а порой просто променяли науку на зарабатывание и политическую карьеру. “Антропологический форум” пытается переломить ситуацию, но получится ли у создателей журнала сдвинуть с места окаменевшую глыбу?

В заключении, как я обещал в начале рецензии, вернусь к содержанию первого номера “Антропологического форума”, чтобы обратить внимание на реплику американского антрополога Б. Гранта (специалиста по России) в дискуссии по поводу “современных тенденций в антропологических исследованиях” (с. 37–42). Б. Грант, осмысливая перемены в российской этнографии, призывает усматривать в них не разрыв с прежними традициями, а продолжение этих традиций, расширение возможностей, развитие достигнутого. Он говорит о необходимости сохранения таких “наиболее сильных достижений”, как историзм, интерес к “меняющейся политэкономии” и внимание к “культуре”. В этих подсказках слышится прозрачный намек: не все, что предлагает марксизм и “теория этноса”, следует поспешно выбрасывать на научную свалку. Традиция российской этнографической школы, очищенная, разумеется, от крайностей и догматизма недавнего прошлого, нуждается в переосмыслении и обогащении, а не в грубом отрицании. Так, во всяком случае, я понял пожелания американского коллеги.

Кое с чем в этих высказываниях Б. Гранта я бы поспорил. Революции и радикализм – часть российской научной традиции, которая на протяжении короткого времени не раз испытывала потрясения. В этом смысле плавное развитие, постепенное улучшение, – это хотя и ласкающее слух российских ученых-традиционалистов предложение, но, тем не менее, несбыточная мечта. В российской этнографии накопилось много такого, что нуждается не в совершенствовании, а в радикальном уничтожении. В противном случае наблюдаемый сегодня застой и мельчание мыслительной деятельности превратятся – уже превращаются – в норму. Однако я бы согласился с Грантом в другом: поиск новых тем для исследования и новой формы научно-самовыражения – это необходимый и неизбежный этап, который позволит лучше рассмотреть и оценить все предыдущие достижения российской этнографии. Очень часто призыв “отстоять традицию” на деле означает осознанное или неосознанное стремление свести прошлое российской этнографии к двум–трем устаревшим концепциям и двум–трем авторам. Многие идеи и открытия до сих пор остаются невостребованными и только радикальные перемены помогут осознать их настоящую ценность.

Все сказанное по поводу реплики Б. Гранта напрямую связано с темой моей рецензии. Перед новым журналом (да и всеми другими этнографическими журналами) стоит сложная задача: попытаться оживить нынешнюю вялотекущую жизнь этнографического сообщества новыми проблемами и неожиданными вопросами, но при этом сохранить преемственность со всей предшествующей историей дисциплины. Какой баланс найдет “Антропологический форум” между этими двумя целями? Давайте все вместе наблюдать за этим экспериментом и по возможности участвовать в нем.